

А. Богданов

Познание с исторической точки зрения

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
А11

А11 **А. Богданов**
Познание с исторической точки зрения / А. Богданов – М.: Книга по Требованию, 2023. – 230 с.

ISBN 978-5-458-54419-1

ISBN 978-5-458-54419-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ОТЪ АВТОРА	Стр. I
I. О всеобщемъ методѣ.	
1. Точка зрѣнія	1
2. Энергетическій методъ и критическій монизмъ	7
3. Энергетическій методъ и биомеханика Авенаріуса	13
4. Порядокъ изслѣдованія	23
II. Познаніе, какъ приспособленіе.	
1. Психическія реакціи.	
a) Биологическая причинность	26
b) Роль психическихъ реакцій въ сохраненіи жизни	33
c) Подборъ психическихъ формъ	40
d) Три типа психическихъ реакцій	47
e) Происхожденіе трехъ типовъ психическихъ реакцій	54
f) Значеніе трехъ типовъ психическихъ реакцій	58
2. Формы сознанія.	
a) Значеніе и мѣсто сознанія въ психич. реакціяхъ	63
b) Неполныя психическія реакціи	67
c) Значеніе неполныхъ реакцій	73
d) Гармонія и противорѣчія въ мірѣ сознанія	78
3. Выработка формъ сознанія.	
a) Процессъ обобщенія	85
b) Процессъ различенія	95
c) Монистическая тенденція въ развитіи сознанія	100
4. Общественность.	
a) Первичная стадность	107
b) Подражаніе	109
c) Сотрудничество	113
d) Общественный подборъ	115

	Стр.
5. Выражающія реакціи.	
а) Ихъ происхожденіе и значеніе	119
б) Типы выражающихъ реакцій	122
в) Выражаемое и форма выраженія	126
6. Формы познанія.	
а) Опредѣленіе	128
б) Біологическое значеніе	133
7. Выработка формъ познанія.	
а) Познавательная пластика	127
б) Познаніе истинное и ложное	140
в) Монистическая тенденція въ познаніи	149
г) Познаніе въ общемъ ряду психическихъ явленій .	156
III. О методѣ исторической теоріи познанія.	
1. Мѣсто исторической теоріи познанія въ общемъ рядѣ наукъ	161
2. Дедукція въ различныхъ наукахъ.	165
3. Абстрактный методъ въ общественныхъ наукахъ	168
4. Абстрактный методъ въ исторической теоріи познанія . .	173
5. Матеріалистическій моментъ въ абстрактномъ методѣ теоріи познанія	176
6. Внѣ-познавательныя основы познанія	180
7. Формы сотрудничества и монистическая тенденція. . . .	187
8. Дальнѣйшій ходъ изслѣдованія	191
9. Общія типы формы сотрудничества и формъ мышленія .	194
10. Типы труда и типы мышленія	203
11. О границахъ эклектизма	209
12. О предпосылкахъ познанія	213

ОТЪ АВТОРА.

Изъ всѣхъ упрековъ, какіе возможно сдѣлать переживаемой нами эпохѣ, безспорно, наименѣе основательнымъ былъ бы упрекъ въ недостаткѣ разнообразія, движенія, интереса. Наше время причудливо сплетаетъ самыя различныя жизненныя отношенія, совмѣщаетъ въ себѣ самыя далекія одна отъ другой историческія формаціи, порождаетъ новыя и новыя формы борьбы съ ея измѣняющимися тенденціями.

Идейная жизнь общества опредѣляется жизнью практической, являясь одновременно ея продуктомъ и ея орудіемъ. Разнообразіе и борьба реальныхъ отношеній вызываетъ разнообразіе и борьбу идей. Здѣсь общество выступаетъ передъ познаніемъ, какъ система стихійно возникающихъ соціально-групповыхъ союзовъ, то рѣзко отграниченныхъ, то незамѣтно сливающихся между собою, связанныхъ безчисленными нитями сотрудничества, разъединенныхъ безчисленными проявленіями вражды.

• Въ этой грандіозной картинѣ много яснаго, чистаго свѣта, много яркихъ, рѣжущихъ глазъ красокъ,—но всего больше неопредѣленныхъ, расплывающихся тѣней. Подойдите къ ней ближе—и общія очертанія исчезаютъ изъ глазъ; выступаютъ мелкія точки и штрихи. Вмѣсто общества, вмѣсто группы передъ вами только отдѣльныя личности. Это въ нихъ живетъ общество и группа, это онѣ чувствуютъ и стремятся, познаютъ и дѣйствуютъ; это изъ нихъ, полу-сознательныхъ атомовъ стихійнаго цѣлаго, образуется общественный союзъ; это ими, крошечными слагающими гигантскихъ силъ, ведется общественная борьба.

Какъ ни узокъ психическій міръ личности, но стоитъ внимательно въ него взглянуть—и передъ нашимъ воображеніемъ невольно вновь обрисовывается общая картина жизни соціальнаго цѣлаго. Пропорціи отдѣльныхъ образовъ, правда, измѣнены во многомъ,—нарушены отчасти и отношенія тонъ,—кое-гдѣ даже свѣтъ и тѣнь измѣнялись мѣстами; и все-таки въ психикѣ личности мы находимъ отраженіе коллективнаго существованія. Зеркало можетъ быть плохое или хорошее, отраженіе извращенное или точное,—для того, кто умѣетъ находить связь явленій, разница только въ трудности ея отысканія.

Жизнь отдѣльной психики тѣмъ въ большей степени отражаетъ жизнь общества, чѣмъ шире кругозоръ человѣка, чѣмъ полнѣе его существованіе. Разнородность и противорѣчія отношеній внутри общества ведутъ къ разнородности и противорѣчіямъ въ предѣлахъ психики. Но здѣсь и то и другое выступаетъ съ особенной яркостью.

Идеи различныхъ временъ, различныхъ классовъ не уживаются безъ борьбы даже тогда, когда онѣ воплощаются въ отдѣльныхъ группахъ, и тѣмъ болѣе тогда, когда онѣ встрѣчаются въ предѣлахъ одного личнаго сознанія. Если различные тѣла рѣзко сталкиваются между собою въ безконечномъ пространствѣ природы, то насколько должно быть тѣсно различнымъ формамъ мышленія въ узкой сферѣ отдѣльной психики...

Примиреніе борющихся элементовъ, гармоническая цѣлостность мышленія достигается лишь тогда, когда определенная система идей одерживаетъ рѣшительную побѣду и подчиняетъ себѣ или устраняетъ всѣ остальные. Но это и не легко достигается, и далеко не всегда бываетъ возможно. При извѣстныхъ условіяхъ —нерѣдко, условіяхъ довольно общаго характера, подчиняющихъ себѣ не только отдѣльныхъ личностей, но и цѣлыя соціальныя группы—мышленіе долго сохраняетъ въ себѣ глубокія внутреннія противорѣчія, которыя лишь временно сглаживаются при помощи самыхъ неустойчивыхъ компромиссовъ между взаимно враждебными системами идей. Получается весьма не-эстетичная картина спутаннаго, колеблющагося мышленія, картина, столь характер-

ная для переходныхъ группъ общества и для переходныхъ періодовъ развитія.

Кажется, никогда до сихъ поръ спутанность мышленія не достигала такой большой степени и такого широкаго распространенія, какъ въ наше время. Въ различной мѣрѣ, она наблюдается среди массы идеологовъ самыхъ различныхъ общественныхъ формъ; она захватываетъ даже очень многихъ представителей тѣхъ идеологій, которыя до сихъ поръ съ наибольшей жизненностью соединяли наибольшую опредѣленность и внутреннее единство.

Въ этомъ отношеніи наше отечество врядъ-ли уступитъ пальму первенства какой-либо другой странѣ. Одинъ изъ нашихъ отечественныхъ идеологовъ—г. Прокоповичъ—далъ самую удачную характеристику того печальнаго психическаго состоянія, которое порождается спутанностью мышленія: въ предисловіи къ своей книгѣ онъ сообщаетъ, что „растерялъ“ значительную долю своихъ „предпосылокъ“. Наши отечественные идеологи дали и самые блестящіе образцы такой „растерянности“. Такъ, г. Струве выражалъ недоумѣніе по поводу того, какое объективное различіе существуетъ между эксплуатаціей человѣка, лошади и машины, а затѣмъ энергично требовалъ, чтобы фетишизмъ былъ снова введенъ въ науку, которой не безъ усилій удалось отъ него избавиться. Г. Туганъ Барановскій одновременно пытался исправить и опровергнуть теорію трудовой цѣнности. Г. Бердяевъ предложилъ признать для мірового процесса нравственные цѣли—не на основаніи какихъ-либо аргументовъ, основанныхъ на фактахъ и логикѣ, а просто „a priori“, въ силу того, что упомянутый авторъ не можетъ представлять себѣ дѣло иначе. Онъ же намѣчаетъ новые пути для научнаго изслѣдованія, настаивая на желательности и полезности того, чтобы физическія и химическія явленія объяснялись черезъ социальныя. Призывы—назадъ къ Лассалю, назадъ къ Фихте, назадъ къ Канту,—вообще куда угодно, только не впередъ, раздаются изъ устъ многихъ искренне-прогрессивныхъ идеологовъ....

Къ подобнымъ явленіямъ мало отнестись критически—ихъ надо также объяснить. А для этого необходимо изслѣдовать тѣ общія условія, которыми порождаются такія или иные формы

мышленія, въ ихъ разнообразіи, въ ихъ противорѣчіяхъ; необходимо установить тѣ общія законности, которыя связываютъ идейную жизнь личности съ объективными условіями ея существованія. Задача очень сложная и очень трудная; способы ея разрѣшенія едва намѣчаются въ наше время.

Предлагаемая работа посвящается не столько прямому разрѣшенію этой задачи—оно врядъ ли вообще можетъ быть теперь выполнено, и потребуетъ, вѣроятно, еще не мало коллективнаго труда,—сколько выясненію—въ существенныхъ и основныхъ чертахъ—научнаго метода ея изслѣдованія.

«Научность» метода есть его познавательная полезность, и обнаруживается лишь практикой его примѣненія. Поэтому и въ данномъ случаѣ методъ, о которомъ я говорю, можетъ быть признанъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ на опытѣ оказался способнымъ уже въ настоящее время привести хотя къ самому общему и приблизительному рѣшенію вопроса. Такимъ образомъ выясненіе метода должно идти рядомъ съ его примѣненіемъ, безъ котораго оно, въ сущности, даже невозможно. Однако это примѣненіе метода въ рамкахъ нашей работы занимаетъ по необходимости второе мѣсто, такъ что общій ея характеръ остается все-же методологическій.

Работа представляетъ изъ себя самостоятельное цѣлое; тѣмъ не менѣе, она стоитъ въ нѣкоторой генетической связи съ предыдущей моей работою—«Основные элементы историческаго взгляда на природу». Тамъ излагались существенныя черты современнаго монистическаго міросозерцанія, поскольку оно намѣчается въ возрастающемъ единствѣ научныхъ методовъ; здѣсь болѣе подробно выясняется и обосновывается примѣненіе той же точки зрѣнія въ области фактовъ познанія.

Правда, за истекшіи промежутокъ времени возрѣнія автора успѣли въ нѣкоторыхъ, немногихъ частностяхъ измѣниться, а въ иныхъ случаяхъ — приобрести новую формулировку, которая казалась автору болѣе опредѣленной и отчетливой. Но неизмѣннымъ осталось все существенное, и прежде всего, конечно, основное стремленіе автора—стремленіе разсматривать всѣ современные методы научнаго объясненія, какъ логически подчиненные принципу сохраненія энергіи.

XIX вѣкъ пережилъ много переворотовъ въ наукѣ, но одинъ изъ нихъ господствуетъ надъ всѣми другими, объединяетъ ихъ, резюмируетъ ихъ въ себѣ: это переворотъ въ содержаніи идеи причинности. Старое понятіе причинности сводилось къ необходимой, постоянной послѣдовательности двухъ явленій, и только,—такъ что причина и слѣдствіе выступали, вообще говоря, и качественно, и количественно различными между собою. Новое понятіе заключается въ признаніи количественнаго равенства и существеннаго тождества причины и слѣдствія, какъ двухъ стадій одного непрерывнаго процесса. Это послѣднее, энергетическое, пониманіе причинности и составляетъ основу метода, объединяющій принципъ изслѣдованія какъ прежней работы, такъ и предлагаемой теперь читателю ¹⁾).

¹⁾ Я думаю, нѣтъ надобности специально выяснять, насколько громадно различіе между старымъ понятіемъ причинности и новымъ; оно слишкомъ очевидно даже въ такой сжатой формулировкѣ, какъ приведенная мною. Дѣйствительно это—различіе двухъ міровыхъ періодовъ развитія науки.

Здѣсь не могу не коснуться одного довольно характернаго факта. По поводу моей прежней работы, посвященной какъ разъ популяризаціи энергетическаго пониманія причинности, нѣкто П. Берлинь („Жизнь“, 99 г., 10) писалъ: „... причинность авторъ понимаетъ вполне въ духѣ Милля“... Миллю энергетическое понятіе причинности осталось вполне чуждымъ: въ своей „Логикѣ“ онъ излагаетъ старое понятіе; оно и обрисовано мною выше именно въ выраженіяхъ Милля.

Курсивно, что въ той же фразѣ, въ которой упомянутый рецензентъ сдѣлалъ такую грубую ошибку противъ а з б у ки даннаго вопроса, онъ скромно выражаетъ сожалѣніе, что авторъ „Осн. элем. историч. взгля. на прир.“ „не стоитъ въ данномъ вопросѣ на высотѣ современной науки“.

Все это, въ связи съ бѣглымъ немотивированнымъ замѣчаніемъ того же рецензента о „досадномъ дилеттантизмѣ“, который проявляется въ естественно-научныхъ вопросахъ у автора „Осн. эл.“ (кстати сказать—естественника и врача), все это заставило меня заинтересоваться литературно-научною дѣятельностью г. Берлина. При этомъ изъ массы рецензій и мелкихъ замѣтокъ упомянутаго литератора выяснилось, что онъ специалистъ не только въ естественныхъ наукахъ, но также въ гносеологіи, философіи, исторіи, въ политической экономіи, исторіи разныхъ странъ, въ сравнительной филологіи... Его безусловная компетентность во всѣхъ этихъ областяхъ убѣдительно доказывается многочисленными, обыкновенно необоснованными, указаніями на дилеттантизмъ разбираемыхъ авторовъ, ихъ недостаточную начитанность, а также упоминаніями о „высотѣ современной науки“. Вотъ, напр., въ какомъ тонѣ говоритъ онъ по поводу маленькой (въ 20 страницъ) популярной брошюры г. Ганнушкина „О социальномъ вопросѣ въ Египтѣ“. („Жизнь“, 900, 8): „Брошюра г. Г. не представляетъ ничего цѣннаго или оригинальнаго. Она—простая популяризація трудовъ современныхъ египтологовъ. Данные займ-

Такъ какъ эта точка зрѣнія наиболѣе оспаривается въ настоящее время именно по отношенію къ области фактовъ сознанія, то самая ея обосновка необходимо должна была принять здѣсь въ значительной мѣрѣ полемическій характеръ. Особенно важны съ моей точки зрѣнія два момента полемики: во-1) доказательство того, что нѣтъ оснований считать энергетическій методъ непримѣнимымъ въ какой бы то ни было области опыта, и что наоборотъ, его отрицаніе есть отрицаніе возможности научнаго познанія вообще (первые два параграфа работы); во-2) доказательство того, что нѣтъ никакой возможности «гносеологически» установить абсолютныя границы познанія, что попытки такого ограниченія основаны на логическихъ ошибкахъ (послѣдній параграфъ).

Во всякомъ случаѣ, главная моя задача была не отрицательно-критическая, а положительная: показать, какимъ образомъ на основѣ наличнаго опыта и существующихъ научныхъ теорій можетъ быть найдена прочная руководящая нить для непрерывно прогрессирующаго анализа сложнѣйшихъ фактовъ познанія. Въ какой мѣрѣ это выполнено, судить не мнѣ.

Авторъ.

31 Дек. 1900 г.

сгнованы авторомъ всегда изъ вторыхъ рукъ, между тѣмъ именно по отношенію къ Египту первоисточники крайне важны. Здѣсь, какъ извѣстно, прекрасный папирусъ издавна служилъ матеріаломъ для писемъ. Искусство писать чернилами существовало здѣсь по крайней мѣрѣ съ III вѣка до Р. Х.“.

Дѣло ясное: г. Берлинъ знакомъ съ первоисточниками, онъ читалъ папирусы, онъ отнюдь не „дилетантъ“ въ исторіи Египта. Кромѣ того, онъ до такой степени проникнутъ высшей научной добросовѣстностью, что не счелъ бы возможнымъ писать объ Египтѣ популярную брошюру въ 20 стр., не изучивъ упомянутыхъ первоисточниковъ—папирусовъ.

Что же все это значить?

I. О всеобщемъ методѣ.

I. Точка зрѣнія.

Исторически изучать какое-нибудь явленіе, это значитъ—выяснить, изъ какихъ явленій оно возникаетъ, въ какихъ формахъ совершается, по какимъ законамъ измѣняется. Наша задача состоитъ въ томъ, чтобы съ этой точки зрѣнія ислѣдовать факты познанія.

Задача эта должна быть признана весьма трудной, по двумъ причинамъ: во-1), данная группа явленій отличается громадной сложностью и разнообразіемъ, во-2), ислѣдованіе ихъ необходимо затрагиваетъ многіе жизненные интересы, связанные съ установившимися взглядами людей, съ ихъ предразсудками и предубѣжденіями.

Изъ двухъ указанныхъ затрудненій, второе—сила привычныхъ идей—можетъ быть значительно ослаблено всегда критическимъ отношеніемъ ислѣдователя къ своей работѣ. Высказывая какое-нибудь положеніе, онъ долженъ каждый разъ ясно и отчетливо указывать тѣ объективныя основанія, изъ которыхъ въ данномъ случаѣ исходитъ: тогда предразсудку труднѣе проскользнуть въ ислѣдованіе подъ маскою внѣшней научности.—Но какъ преодолѣть первую трудность?

Чтобы ислѣдователь не оказался безпомощнымъ передъ громадной сложностью и разнообразіемъ своего матеріала, ему необходима о б щ а я т о ч к а з р ѣ н і я. Необходимъ единый методъ, который управлялъ бы группировкой фактовъ и обобщеній опыта, который контролировалъ бы ихъ истолкованіе. Только при наличности такого метода возможно свести все разнообразіе явленій—къ единству закономерности, всю ихъ сложность—къ опредѣленнымъ простымъ отношеніямъ.

Познаніе съ историч. точки зрѣн.

Требуется не только рассмотреть и „описать“ познание, какимъ оно является само по себѣ. Требуется также выяснить, какимъ образомъ оно возникаетъ изъ процессовъ не-познавательныхъ, какимъ образомъ въ зависимости отъ такихъ процессовъ оно измѣняется, словомъ—установить связь познанія съ тѣмъ, что не есть познание¹⁾. Слѣдовательно, необходимъ такой общій, всеохватывающій методъ, которому можно было бы подчинить законности явленій въ обѣихъ областяхъ, въ познаніи и внѣ его.— Но гдѣ найти такой методъ? Слѣдуетъ ли для даннаго случая искать непременно особый, еще не существующій методъ, или, можетъ быть, позволительна попытка обратиться за нимъ къ другимъ наукамъ, болѣе выработаннымъ, чѣмъ наука о познаніи?

Такъ какъ наука стремится объяснять неизвѣстное—извѣстнымъ, то во всѣхъ подобныхъ случаяхъ изслѣдователи практически руководились до сихъ поръ такимъ правиломъ: всякій установленный методъ общаго характера считать примѣнимымъ вездѣ, гдѣ только логически мыслима его примѣнимость,—считать до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано противоположное, или пока не будетъ выяснено, что его примѣненіе ничего не прибавляетъ въ пониманіи данныхъ явленій. Правило это имѣетъ за себя опытъ прошлаго: оно принесло не мало пользы развитію науки. Кромѣ того, оно имѣетъ за себя стремленіе людей къ единству познавательнаго метода. А такое стремленіе вполне законно, и основывается на томъ, что единство метода, гдѣ оно возможно, позволяетъ съ наименьшимъ трудомъ

¹⁾ Въ теоріи познанія (или теоріяхъ познанія) критической философской школы преобладаетъ узко-описательная точка зрѣнія, которая беретъ своимъ предметомъ познание, какъ нѣчто уже данное, уже сложившееся. Здѣсь, стало быть, дѣло идетъ скорѣе о познаніи определенной эпохи, чѣмъ о познаніи въ его развитіи. Поэтому нѣкоторые критицисты склонны даже прямо противопоставлять „гносеологическую“ и „генетическую“ точку зрѣнія, подразумевая подъ этой последней вопросы развитія формъ, вопросы ихъ исторіи (см. напр., Струве, предисловіе къ книгѣ Бердяева „Индивидуализмъ и субъективизмъ“, стр. XXVI). Однако, и среди критицистовъ нѣкоторые далеко не склонны вполне отказываться отъ генетической точки зрѣнія въ теоріи познанія (напр. Зиммель, Махъ...). А представитель наиболѣе „критическаго“ направленія этой школы, Авенариусъ (котораго можно также съ большимъ основаніемъ отнести къ позитивистамъ) является въ своихъ изслѣдованіяхъ всецѣло „генетикомъ“ „Kritik der reinen Erfahrung“.

На нашъ взглядъ отказъ отъ историческаго изслѣдованія познавательныхъ явленій можетъ считаться только „свидѣтельствомъ о бѣдности“ для философскаго мышленія отказывающихся.—Въ дальнѣйшемъ намъ еще будетъ случай возвратиться къ „гносеологической“ точкѣ зрѣнія (см. III ч., гл. 12. „О предпосылкахъ познанія“).